

Ор46.3-6
Б-79

ПОДИУМ
ТРУДОВОЙ
ДОБЛЕСТИ

Сорок пять жатв на счету прославленного комбайнера Оренбуржья
Василия Макаровича Чердинцева,
дважды Героя Социалистического Труда,
лауреата Государственной премии СССР,
члена ЦК КПСС, делегата съездов партии.

Л.Н.БОЛЬШАКОВ

ЗЕМЛЯ ЧЕРДИНЦЕВА

Л.Н.БОЛЬШАКОВ

оп 96.3-6

б-23

ЗЕМЛЯ
ЧЕРДИНЦЕВА

2-100005
00 0,5
92
10

Челябинск
Южно-Уральское
книжное
издательство

1987

ОРЕНОБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. КРУПСКОЙ

Василий Макарович Чердинцев связал свою судьбу с хлебной нивой в пятнадцать лет... И с тех пор каждый год выводит на золотистое поле степной корабль. У него учатся хлеборобы всей округи. На примере Чердинцева воспитано не одно поколение оренбургских земледельцев. А поучиться у звена Чердинцева есть чему. В прошлой пятилетке, например, каждый комбайнер в среднем за сезон намолачивал по 1400 тонн зерна... Звену доверено испытывать новую технику. В умелых руках она работает надежно, показала себя с лучшей стороны... Успехов вам, славные труженики земли, мастера щедрой нивы!

Правда, 1984, 7 июня

Хлеб — это жизнь

Слово — дважды Герою Социалистического Труда, комбайнеру колхоза «Рассвет» Оренбургской области, делегату XXVII съезда КПСС В. М. Чердинцеву.

...На мой взгляд, нет ничего на свете свяще хлеба, дороже его, потому что хлеб — это жизнь. Сколько мудрых народных пословиц и поговорок посвящено ему: «Хлеб всему голова», «Без хлеба нет обеда», «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а коли хлеба край, так и под елью рай», «С хлебом стол — престол, а без хлеба — доска», «Хлеб — батюшка, водица — матушка» и много других. А сколько стихов и песен о хлебе, о людях, которые его растят!.. И я горжусь тем, что я хлебороб, что вместе с товарищами по колхозу даю людям хлеб. По своему опыту, по опыту отцов и дедов знаю, как труднодается хлеб, как высока его цена.

...Начинал я в войну, когда самые опытные мастера комбайновой уборки ушли на фронт. Не все у нас ладилось. Жатва затягивалась. Начинались холодные затяжные дожди, а то и снег прихватывал в поле... С тех пор и поныне работаю механизатором. На моих глазах, можно сказать, прошла история развития сельскохозяйственной техники. От первых, еще маломощных, тракторов СТЗ, ХТЗ, «Универсал» до таких могучих машин, как К-700 и Т-150. А уборочная техника? На каких только комбайнах и приходилось работать — на СЗК, «Коммунаре», на «Станинцах», СК-3, СК-4, на «Сибиряке», «Ниве», «Колосе». Нынешнюю технику просто трудно сравнивать с той, на кото-

рой мы начинали. Сейчас она позволяет обрабатывать землю комплексно и в самые лучшие сроки. А это — одна из основ урожая.

...Я водил многие комбайны. Приходилось осваивать совершенно новые машины, давать о них свое заключение. К сожалению, даже в самых лучших еще не все сделано так, как хотелось бы. Например, в «Колосе» пришлось модернизировать, а то и переделать десятки узлов. Новое вносим и в «Доны». Прежде чем выйти в поле, я должен разобраться во всем до последнего винтика, подтянуть, подладить, отрегулировать, а то и переделать все, что может подвести в процессе работы.

...Комбайн комбайном, но скажу несколько слов в защиту жатки ЖВН-10. Она была выпущена с недоделками, сложной оказалась по регулировке, и получилось так, что многие механизаторы ее не признали, а коль так, то постарались от нее поскорее избавиться. Я больше десятка лет на таких жатках работаю и считаю: подходят они для наших просторов. Против ЖВН-6 производительнее раза в полтора... сроки подбора сокращаются, потери зерна много меньше... Отрегулируй получше, подготовь как следует к работе — не подведет. Сейчас это вроде поняли: кое-где даже взялись восстанавливать жатки, что в утиль списали. Но «легкое» отношение к сельхозмашинам еще имеет место.

...Сейчас я и представить свою жизнь не могу без комбайнов «Дон-1200» и «Дон-1500». Принято говорить: семейство «Донов». А для меня это мое семейство — родное, кровно близкое, составляющее частицу меня самого. Вроде бы только техника. А н нет, не только — еще и большая политика. И о «Донах» шла речь в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза: «Только применение комбайна «Дон-1500», как показывают расчеты, позволит значительно сократить парк зерноуборочных машин, высвободить около 400 тысяч механизаторов.

...Люди, плохо представляющие себе крестьянский труд, порой считают, что у хлебороба только с весны до осени есть работа. Нет, хлеб требует внимания к себе в течение всего года, каждый день! Осенью, а точнее еще летом (в июле-августе), мы уже готовим почву под урожай будущего года. Зимой ремонтируем технику, доводим до посевного стандарта семена, вывозим на поля навоз, припасаем минеральные удобрения, задерживаем снег. Большая работа ведется по подготовке механизаторов, повышению их классности. Но, конечно, самое большое напряжение в дни сева и уборки. Тут главное — не упустить сроки. И поэтому работаем по 16—18 часов, а порой и сутками. Заканчиваем уборку в своем районе — отправляемся на восток, в целинный совхоз «Кульминский», или на север области — туда, где нужнее, и работаем там, как говорится, до последнего колоса.

В дни жатвы дорога каждая минута. Тут не должно быть никакой расхлябанности. На первый взгляд кажется, что минута ничего не значит. А если посчитать? В области у нас 32 тысячи комбайнов. Потеряет каждый механизатор по одной только минуте, и то в итоге получается уже не часы, а многие сутки и, следовательно, не вовремя убранные сотни гектаров.

...Недостатки, недоработки много виднее нам в свете Политического доклада ЦК КПСС и всех материалов XXVII партийного съезда. В докладе имеется целый раздел «Решение продовольственной проблемы — первоочередная задача». Здесь совершенно ясно сказано: «Движение вперед есть, но преодоление отставания сельского хозяйства происходит медленно. В аграрном секторе нужен решительный перелом, чтобы уже в двенадцатой пятилетке заметно улучшить продовольственное снабжение. Намечается более чем удвоить темпы роста сельскохозяйственного производства...» И дальше: «Речь идет в первую очередь о повышении плодородия земли, создании условий устойчивого ведения сельского хозяйства...» Я считаю так: обращено это и лично ко мне.

«Земля Родимцева, земля Чердинцева»

Вспоминается один вечер, один необыкновенный концерт, проходивший в большом зале Оренбургской выставки народного хозяйства.

Усаживаюсь, смотрю вокруг. Прямо передо мною группа знатнейших комбайнеров: Кособуцкий, Юдин, Чердинцев, Коваленко... Все при золотых звездах и многочисленных прочих регалиях. Разговор, начатый в фойе, чувствовалось, не закончен — обмен мыслями продолжался и в зале.

— Начинаем концерт для делегатов областной партийной конференции. Поет хор Дворца культуры «Россия». Исполняется новая песня — «Отчий край». Музыка Алексея Цибизова, слова Геннадия Коняхина...

Песня была еще не «на слуху»: ни мелодии ее, ни слов не знал никто. Композитор, наверное, где-то там, за кулисами, — волнуется. Примут? Подхватят? А может, отмахнутся, хоть и про свое, родное, оренбургское?

За первой строфой, как водится, шел припев:

Сторонка русская,
Степь оренбургская,
Планетой подвигов тебя зовем.

И вдруг:

Земля Родимцева,
Земля Чердинцева,
Ты наша Родина и отчий дом...

По залу прокатились аплодисменты. Понравилось! Но я смотрел не на сцену и не на зал. На Чердинцева смотрел. Неожиданность прозвучавшего для него была полнейшей:

Земля Родимцева, земля Чердинцева...

Поворачивались, искали его глазами и другие. Тянули руки соседи.

Земля Родимцева, земля Чердинцева...

Песня нарастила, ширилась, и снова тот же припев, который вдруг подхватили в рядах, да еще как подхватили — на полный голос, задорно и звучно. Запел и он:

Сторонка русская,
Степь оренбургская,
Планетой подвигов тебя зовем...

Но — увидел и услышал — умолк: продолжать не позволяло смущение. В волнении он даже отвернулся — только ведь от людского взгляда не скроешься, не спрячешься, настигнет везде и всегда. Музикально-поэтическую строку с двумя именами пели другие. И пели так, будто в их именно сердцах то определение родилось:

Земля Родимцева, земля Чердинцева!

Скажешь ли об Оренбуржье точнее?
Разных поколений они люди, генерал
и земледелец, разных путей жизни.

А начиналось все и для того, и для другого здесь, на этой земле.

«Родился я в далеком глухом селе Шарлык бывшей Оренбургской губернии в семье крестьянина-бедняка. Наше село окружала бескрайняя плодородная степь... Однако мне еще ребенком довелось узнать, что и эти немереные тысячи десятин земли, и заповедные, богатые рыбой озера, и бесчисленные стада коров и овец, и табуны лошадей, и

даже колодцы у дорог в степи — все было отмечено знаком «чужое», все принадлежало помещикам и кулакам... По сути, я почти не помню детства, так как слишком рано, совсем мальчиконкой, стал единственной опорой семьи...»

Это — Родимцев. Отец его, батрак безземельный, за речи свои революционные был зверски избит, истерзан белобандитами атамана Дутова и умер, измученный пытками. «Тягостно и горько было мне идти в услужение к богатею, который, я знал это, выдал моего отца, но слезы матери и благословение усталой ее руки были для меня приказом». Но уже тогда поселилась в Родимцеве-сыне мечта. «Красные конники остановились в Шарлыке на отдых, и я ходил за бойцами по пятам, с замиранием сердца прислушиваясь к их разговорам... Я мечтал стать красным кавалеристом, чтобы так же лихо позванивать шпорами, носить длинную, с золоченой рукоятью саблю, бесстрашно мчаться в атаку на врага на горячем скакуне, чтобы и меня встречали в селах с радостью, как родного...»

К этой своей мечте он, Александр, батрак на кулацком поле, вплотную приблизился в 1927-м, представ перед долгожданной призывной комиссией.

Чердинцев в том, важнейшем для его земляка, году только на свет появился. А к собственной мечте, осуществлению на деле ее, заветной, подошел лишь тогда, когда Родимцев, уже командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии, дрался на решающем участке Юго-Западного фронта и бойцы в своей песне распевали:

Мы с отвагой дружны,
Потому и сильны,
Мы железною спайкой гордимся.
Нас ведет за собой
Командир и герой,
Наш товарищ, полковник Родимцев.

За плечами его к тому времени были и бои в Испании, и суровые испытания Отечественной войны, которая вторглась в судьбу Александра Ильича с самого ее начала.

«9 мая вместе с другими командирами я был вызван в штаб Юго-Западного фронта на совещание для уточнения боевой задачи в предстоящей операции,— вспоминал он весенний день в сорок втором.— Нашей дивизии поручалась почетная роль: сражаться в составе главной группировки армии и первой нанести удар по вражеской обороне...»

Это было в мае 1942-го. Василий Чердинцев незадолго перед этим закончил зимние курсы трактористов и штурвальщиков, а в те дни пахал, сеял и одновременно, урывками, помогал брату Мину готовить к уборке уже изрядно изношенные комбайны «Сталинец-1», сцепом которых им предстояло убирать урожай. Хлеб обещал быть хорошим, механизаторов же с войною крепко поубавилось; теперь требовалось предусмотреть все, чтобы с началом уборки как можно быстрее скосить, обмолотить по-особому дорогую для фронта и тыла пшеничуку. (Они и впрямь поработали на славу: сцепом двух комбайнов, которые тянул за собой Комлев Петр на тракторе ЧТЗ, убрали прямым комбайнированием хлеб с 1100 гектаров.)

Василий Чердинцев «свою войну» начал и до конца провел в одних и тех же местах. Сюда не долетали самолеты врага, тут не слышали выстрелов и не думали о светомаскировке, но прошла она через каждый двор и каждое сердце в Сакмарском районе.

Вспоминает Чердинцев:

«Детство мое было не из легких. Когда я заканчивал начальную школу, началась война. С каждым днем все хуже становилось с едой, в школьных классах надолго поселился холод. Для того, чтобы написать что-нибудь в самодельной тетради, приходилось отогревать замерзающие чернила на печке и долго дуть на коченеющие пальцы. В семьях многих моих товарищей уже получили похоронки... Помнится, как на школьном дворе появился директор машинно-тракторной станции. Посмотрел он на наши игры в переменку, а потом подошел и сказал: «Сынки, рабочие руки нужны...» По такому «приглашению» и пошел я на курсы трактористов в Сакмарскую МТС. Учились и работали. Между снежных сугробов стояли полуразобранные тракторы-«колесники».

Чтобы согреться, в бочках жгли солярку. В мастерских под потолками гулял синий машинный чад, сквозь который неясно проглядывали промасленные части мотора и усталые лица людей...»

И дальше:

«Хорошо помню, как Мин получил повестку в военкомате, подвел меня к полю и сказал:

— Вот, братишка, тебе машина. Работай в полную силу, да только береги технику. А я — на фронт.

Так просто и буднично состоялась передача не только комбайна, но и хлеборобской профессии, которая стала для меня главной на всю жизнь...»

Если уточнить, то Василию достался совсем старый, перед войной уже списанный СЗК — маломощный даже по сравнению со «Сталинцем». Мин работал на нем еще несколько лет тому назад, когда другой уборочной техники на полях не было. Умудрялся рекорды ставить — того, правда, времени рекорды. И когда весной 1943-го, в ледоход, уходил брат воевать, для него, меньшего, началась круглосуточная работа по восстановлению первого «собственного» комбайна, на котором в первый сезон выработал он... 170 гектаров. Мало? Да, немного. Но ему было всего шестнадцать, самостоятельно работал впервые, и опять же комбайн... комбайн был таким ветхим — одна видимость машины...

Крестьянский сын из оренбургского Шарлыка Александр Ильич Родимцев вел в бой гвардейскую дивизию. В бой тяжкий, изматывающий и — победный.

Крестьянский сын Чердинцев Василий занял свою «ячейку» на передовой линии оренбургской хлебной нивы. Передовой, которую не покинет уже никогда.

О Родимцеве он впервые услышал и прочел тогда, когда на всю страну и весь мир прозвучало из огненного Сталинграда решительное слово его гвардейцев: «За Волгой для нас земли нет!»

Родимцев о Чердинцеве мог узнать

много позже, годы и годы спустя после окончания Великой Отечественной, когда имя хлебороба-земляка вышло на первые страницы «Правды» и других центральных газет, а оба они стали депутатами Верховного Совета.

Тогда и личное их знакомство состоялось — в Оренбургге, куда прославленный военачальник приезжал, чтобы повидать дорогих своих земляков.

Родимцев:

«Когда в древней и всегда юной Праге нас обнимали, осыпали цветами и поцелуями чехословакские друзья, оглядываясь на пройденный путь, как пахарь оглядывается на трудную,politую путь ниву, мы, воины, помнили, какой ценой далась нам эта радость».

Чердинцев:

«Наивно думать, что в те годы был нормированный рабочий день. Нет, работали, сколько могли, и даже сверх того... Однако мы могли гордиться собою. Мимо нашей станции на запад тянулись поезда. На прикрытых платформах везли танки, орудия, тягачи. А мы радовались по-особому: мчали паровозы к фронту и наш драгоценный груз — продовольствие, хлеб...»

Да, земля в мечте людской — это хлеб, это великое поле пахаря, и только пахаря.

...Их пути — генерала и хлебороба — пересеклись на дороге славы. И соединились в песне.

Земляки

В центре парка, густо окрашенного осенним золотом, высился гранитный обелиск. «Здесь похоронен легендарный партизан Келецкой и Радомской земель «Сашка». Под надписью, в скобках, значилось: «В. П. Войченко».

Как «Сашку» его знала вся обездоленная, но не сдавшаяся Польша военного лихолетья. «Сашковцами» называли бойцов отряда, наводившего страх на

оккупантов и их пособников. Только много-много лет спустя удалось найти собственноручное свидетельство героя: «Я, Войченко Василий Петрович, родился в 1921 году в селе Калиновка Халиловского района Оренбургской области. В 1939 году окончил Вольское летно-техническое училище. В октябре того же года был направлен в авиационный истребительный полк, где и служил до 1941 года...»

Они были из одних мест — партизан и тот, кто стоял сейчас у обелиска, взволнованно теребя в руках шляпу, — Василий Макарович Чердинцев.

Так вот ты где, земляк, о котором так много довелось слышать и в своем Оренбуржье, и здесь, в Польше... В Польше твоим именем названы улицы, школы, пограничные заставы. Войченко из Калиновки, человек из истории...

Это он, Василий Петрович Войченко, задумал и осуществил побег захваченных в плен советских солдат из страшного лагеря в монастыре «Святой крест».

Пробиться к Висле, чтобы двигаться к линии фронта, не удалось. Фронтом Войченко и его товарищей стала Польша. Одна дерзкая операция следовала за другой. То окружили и повергли крупный отряд карателей, то остановили диверсией на станции движение вражеских эшелонов, то разгромили немецкую комендатуру... Установив связи с польским подпольем, «сашковцы» совершили налеты на гитлеровские гарнизоны, устраивали взрывы на железнодорожных и автомобильных путях, уничтожали ненавистных палачей. За голову «Сашки» были установлены огромные вознаграждения, но все попытки захватить его остались безуспешными.

Войченко погиб в бою декабрьской ночью 1944 года. Герой-orenбуржец шагнул в бессмертие...

Молча уходили Чердинцев и его товарищи из багряного осеннего парка, чувствуя каждый свой шаг на этой свободной земле.

Газета «Правда» в те дни сообщала:
«В соответствии с планом связей КПСС
с ПОРП с 18 по 23 ноября в Польской Народной Республике находилась делегация КПСС. В ее состав входили члены ЦК КПСС дважды Герой Социалистического Труда комбайнер колхоза «Рассвет» Оренбургской области В. М. Чердинцев, Герой Социалистического Труда бригадир комплексной бригады колхоза «Кубань» Краснодарского края М. И. Клепиков, кандидаты в члены ЦК КПСС Герой Социалистического Труда оператор машинного доечного госплемзавода «Катунь» Алтайского края М. А. Голубева, Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Путь к коммунизму» Ставропольского края Н. Д. Терещенко, член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, бригадир Шиловского межхозяйственного предприятия по откорму крупного рогатого скота Рязанской области А. Н. Рындина.

Делегация знакомилась с опытом работы организаций ПОРП и трудовых коллективов ряда сельскохозяйственных предприятий Познанского, Лешинского и Калишского воеводств».

Делегацию возглавлял Василий Макарович Чердинцев, комбайнер оренбургского колхоза, член ЦК КПСС. Не впервые привелось ему выезжать за рубежи страны. Летал в Монгольскую Народную Республику, ездил в Чехословакию. Но сейчас его поставили во главе всей группы — ответственность особая.

...Многое на заметку себе брали: понравились фермы в госхозе «Галово», организация общественного труда в кооперативах «Котлин» и «Новый свет», порода свиней, выведенная учеными сельхозинститута Познани в содружестве с животноводами госхозов. Слушали, записывали, фотографировали. С благодарностью приняли гости из СССР самый дорогой для землемельца подарок: семена элитных овощных культур. И всюду, где бы в эти дни ни оказывались, охотно, без утайки делились собственным опытом, рассказывали обо всем.

полезном, ценном, что сделали сами, о поисках, успехах, сомнениях. Был живой, откровенный обмен опытом.

В те дни в Женеве проходила советско-американская встреча на высшем уровне.

— Спасибо!.. спасибо!.. — слышали Чердинцев и его товарищи; благодарность относилась ко всей великой партии коммунистов, политику, практику которой здесь представляли сейчас они, полномочные представители Центрального Комитета.

Шесть дней продолжалась эта поездка. Не туристская — рабочая, и какая еще рабочая. Домой возвращались как с поля в страду. Стаду урожайную, на добро щедрую. Чем ближе подлетали к Оренбургу, тем больше овладевали Чердинцевым мысли о делах сакмарских. Время уже за полночь, до Сакмары из аэропорта больше часа езды, а утром — районная партийная конференция. Что землякам скажет?

Дерзать!..

Об этом Василий Макарович и говорил, открывая прения по отчетному докладу райкома.

Обдумывая свое выступление, вспоминал он и разговор, состоявшийся в пути из Польши с Николаем Дмитриевичем Терещенко, многоопытным колхозным председателем на Ставропольщине. Он дал Чердинцеву прочесть наметки выступления, которое как депутат готовил для сессии Верховного Совета РСФСР: «Чем крепче наша дисциплина, чем эффективнее наш труд, тем сильнее наша экономика». Его, терещенковский колхоз, его родной и любимый край, заканчивавшие одиннадцатую пятилетку с перевыполнением почти всех контрольных заданий, добились вроде бы успехов на зависть, куда более высоких, чем их, сакмарский колхоз. Но не результатами выхвалялись, а о будущем тревожились.

«Резервы... резервы... Вводить их надо не откладывая, не теряя времени. По-настоящему, не на словах, а на деле использовать все достижения научно-

технического прогресса, практически — именно практически! — переходить на интенсивные методы хозяйствования...» Об этом говорил и Чердинцев с трибуны районной конференции.

Говорил о современной технологии сельскохозяйственного производства, о работе по науке, а не по старинке, о защите земли-кормилицы, чтобы не иссякало, напротив, росло ее плодородие, о технике и кадрах для нее.

— Третий год наше звено испытывает комбайны новых марок «Дон-1200» и «Дон-1500». Машины мощные, хорошие. Как ни складывались условия, результатов мы добивались немалых. За страду на три комбайна шестьдесят тысяч центнеров — жаловаться не приходится. Тут заслуга всего нашего звена, в котором работают добросовестные, трудолюбивые люди. Комбайнерскому делу большинство из них учили я, и тем горжусь особенно. Но скажу сразу, без обиняков, по-партийному: о подготовке кадров заботы должно быть больше. Новая техника и людей требует достойных. На помошь нам, а со временем и на смену, должны идти сегодняшние, завтрашние выпускники школ, училищ. Значит, больше внимания обучению, постоянное углубление наставничества. К слову «наставник» как-то привыкли, в смысл его многие уже не вникают. О совершенствовании форм и методов этого важного движения заботиться перестали. Даже районная газета сократила число публикаций на эту тему. С таким отношением мы можем и просчитаться, упустить резерв из важных...

Никаких «особенных» примеров Чердинцев не искал. «Оживление в зале» вызвать, наверное, не так уж трудно. Куда важнее вызвать людей на раздумья о главном, заставить поразмышлять о том, что для будущего нужнее.

Заставил. Многие потом по коренным вопросам производства высказывались. И не по верхам проходили — до сути докапывались.

...Немногословная Антонина Николаевна Рындина — или Тоня, как звали ее в делегации, — и в дороге из Польши писала статью для «Правды». О чем думала она, бригадир межхозяйственного предприятия по откорму скота, рязанская сельская жительница? О том, каким должен быть коммунист. О двойной его ответственности: перед государством и партией. О расширении гласности во всех звеньях КПСС. Политбюро ЦК информирует о своих решениях чуть не каждую неделю. А регулярно ли делают это обкомы и райкомы? Заканчивала она свою статью просто: «...очень хочется, чтобы дела у нас шли лучше и лучше, чтобы каждый, кто носит высокое звание коммуниста, с честью его оправдывал». Не менее глубоки и заинтересованы были выступления и на проходившей районной партийной конференции. Наталья Судакова, к примеру, оператор машинного доения из колхоза «Первое Мая». Не о себе самой печется, критикуя за то, что доярки выглядят на работе не очень привлекательно: стажеродные, грубые, тяжелые сапоги, телогрейки плохого покроя, халаты, мешками висящие. Верно говорит: это тоже престижу профессии не на пользу, делу их ответственному помеха. Вопрос, выходит, не районный только — и областной, и союзный. А у Судаковой в речи не про одно это. Действительно, нельзя мириться с тем, что из села уезжают медики, что намучаешься, прежде чем оттуда дозвонишься, что с перебоями стали возить почту...

Богатыри

Два из трех «Донов» Чердинцева стояли в металлическом ангаре над обрывистым склоном круглого яра. Уже под замком, совсем готовые к будущей своей работе. Третий был в мастерских: до полной готовности не хватало «самой малости» — «сердца». Двигатель отправили в Харьков, и не для ремонта только — для замены более совершенным. Харьковские машиностроители,

оснащающие ростовские комбайны моторами, времени зря не теряют, придумали и освоили конструкции помощнее, понадежнее, вот и договорились об установке здесь двигателя из новейших, тем более, что эта машина проработала уже не один год и особое к себе внимание заслужила в полной мере.

Много стараний приложить довелось Чердинцеву, прежде чем обрели «Доны» дом- ангар: и место выбирал-размечал, и с заводом металлоконструкций в Орске связывался, и фонды на металл добывал. Ну и все прочее, чего даже не упомнишь. Сам с ребятами из звена стены ставил, крышу монтировал. Успели вовремя. Зато теперь никакой мороз, никакая непогода ремонту комбайнов, подготовке их к страде уже не помеха. Во время уборки работать им чуть не круглые сутки — терять время богатырям не пристало, так что возможное и невозможное сделай, а предусмотря за ранее все.

Двигатели машин ремонт с полной ревизией прошли на заводе; третий тоже прибудет, со дня на день ждут. Замечания комбайнеров моторостроителям как нельзя кстати. Прислушиваются к любому слову, учитывают, исправляют. За эту сторону дела можно быть спокойным; по другим узлам с Ростовом связывались — тоже не без пользы. Может, придется и на Ростсельмаш слетать, однако отдельные усовершенствования возможны уже тут, на месте. Им, как испытателям новой техники, такого права не занимать.

...Самый первый «Дон» догнал звено Чердинцева уже в Кваркенском районе, куда, по давней традиции, отправлялись тотчас по окончании уборки на своих, сакмарских землях. На целине хлеб созревает позже, просторы тут огромные — развернуться есть где.

Этот, дотоле не виданный Василием Макаровичем, комбайн прибыл на целинное поле с собственным инженерным экипажем. Инженеры были настороже — штурвала из собственных рук не выпускали, прове-

рить все и вся норовили сами. Комбайнеры довольствовались впечатлениями внешними, разве что Чердинцеву — и то под конец — удалось пройти несколько загонок. Это произошло уже тогда, когда местные острословы переименовали «Дон» в... «тихий Дон» (без всякой, конечно, связи с бессмертным произведением советской и мировой литературы). «Тихий» потому, что комбайн больше простаивал, нежели работал, поломки случались чуть ли не каждый день, а в результате намолотил всего 1770 центнеров — в несколько раз меньше, чем уже испытанные «Колосы». Механизаторы были явно разочарованы: ждали от «Дона» многоного, на самом же деле получался... пшик. Так об этом и говорили — не стесняясь, не таясь, вслух.

— Машина будет! — сказал тогда Василий Макарович.

— Будет машина... — повторил он, похлопывая и поглаживая первый, самый первый «Дон» перед погрузкой его на железнодорожную платформу (комбайн увозили на завод). — В будущем году приезжайте, да пораньше!

— Приедем, если зовете, — отозвался ростовский инженер Ислам Басиев. И за себя отозвался, и за Колесникова, и за... «Дон». Первые результаты оренбургских испытаний нового комбайна оказались, мягко говоря, неважными, а если говорить прямо, то плохими.

Серьезная работа с «Доном» началась следующим летом. Опять инженерный экипаж испытателей из Ростова, опять программа, заданная на заводе. Ничего против этой программы Чердинцев не имел — отнесся с полнейшим уважением. Но уважение это — отнюдь не молчаливое ожидание чуда. Комбайн в его звене, за звено в ответе он, значит, и за новую машину не отвечать не может. Организацию испытаний Василий Макарович взял на себя. Спрос с «Дона» стал строже — не как с гостью, но как с основного работника. Выработка оказалась

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул.
Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66